

И. С. КриштопУчреждение образования «Барановичский государственный университет», ул. Войкова, 21,
225404 Барановичи, Республика Беларусь, +375 (29) 798 63 17, inessa_top@mail.ru**ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА
В РОМАНАХ ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА И ВИКТОРА КОЗЬКО**

В статье исследовательский фокус направлен на анализ репрезентации экологической проблематики в творчестве киргизского писателя Чингиза Айтматова и современного белорусского автора Виктора Козько, которые в своих творениях неизменно поднимают вопросы взаимоотношений внутри триады «Человек—природа—дом/род/народ». Оба автора проявляют высокую степень сформированности экологического сознания, утверждая, что утилитарный подход к природе, который доминировал на протяжении XIX—XX веков, угрожает существованию самого человечества. Более того, в своих художественных произведениях писатели настаивают на внутренней перестройке сознания каждого члена человеческого сообщества с учетом этических и социальных ценностей, выработке нового отношения к природе, в основе которого — принцип единства, взаимозависимости и равенства всего сущего.

Ключевые слова: экокритика; экологическое сознание; роман; белорусская литература; киргизская литература.

Библиогр.: 15 назв.

I. S. KryshTOP Institution of Education “Baranavichy State University”, 21 Voykova Str., 225404 Baranavichy, the Republic of
Belarus, +375 (29) 798 63 17, inessa_top@mail.ru**ECOLOGICAL ISSUES IN CHINGIZ AYTMATOV'S
AND VIKTOR KOZKO'S NOVELS**

The article focuses on the analyses of the representation of environmental issues in the novels created by the Kyrgyz writer Chingiz Aitmatov and the Belarusian author Viktor Kozko. In their books they deal with the relationship within the triad “Man—nature—home/clan/nation”. Both authors demonstrate a highly developed ecological consciousness asserting that the utilitarian approach to nature, which dominated throughout the 19—20th centuries, threatens the existence of humanity itself. Moreover, in their works the novelists insist on the internal restructuring of the consciousness of each member of the human community taking into account ethical and social values, the development of a new attitude towards nature based on the principle of unity, interdependence and equality of all things.

Key words: ecocriticism; environmental consciousness; novel; Belarusian literature; Kyrgyz literature.

Ref.: 15 titles.

Введение. Общеизвестно, что во второй половине XX века экологические проблемы приобретают глобальный характер. Это становится основанием для обсуждения общезначимого кризиса не только в профессиональной среде экологов. Писатели, осознавая негативные последствия научно-технической революции и безответственной эксплуатации окружающей среды, все чаще обращают внимание на внутренний раскол личности и/или чувство вины человека, обусловленные уничтожением естественной среды обитания. В результате корпус художественных произведений, в которых авторы акцентируют социальные и этические аспекты взаимоотношений человека и природы, проявляют экологическое сознание, постоянно пополняется во всех национальных литературах. Стали классикой произведения белорусских авторов И. Мележа, А. Жука, А. Адамовича, В. Карамазова, российских писателей В. Распутина, С. Залыгина, В. Астафьева, В. Васильева, В. Пелевина, Л. И. Воробьева, американских художников слова Э. Хемингуэя, К. Воннегута, Дж. Апдайка, Р. Брэдбери, Д. Делилло, Дж. Гарднера, Д. Паттерсона, О. Батлер, Дж. Оффилл, английских романистов О. Хаксли, Г. Свифта, М. Макинтайра, И. Макьюэна, Д. Митчелла и др.

Материалы и методы исследования. «Экологизация» затронула и литературоведение, которое для преодоления технократической парадигмы мышления, представленного в художественных произведениях, начало вырабатывать свой инструментарий — экокритику, под которой понимается новый подход в теории литературы, рассматривающий художественные произведения о природе сквозь призму взаимодействия человека с окружающей средой [1, с. 65]. В монографии “Nature in Literature and Cultural Studies” К. Герсдорф и С. Майер указывают, что в начале XXI века экокритика в литературоведении приобрела равный статус с такими теориями, как структурализм, новый историзм, феминизм и т. д. [2, с. 9]. Однако несмотря на большое количество работ, все еще остаётся расплывчатой методология исследований.

Цель данной работы — с помощью сравнительно-типологического метода в соответствии с принципами экокритики выявить специфику трактовки экологической проблематики в романах Ч. Айтматова «Когда падают горы» и В. Козько «Бунт невостребованного праха», которые «в обостренном гиперболизированном виде» содержат все константы творчества выдающихся представителей национальных литератур [3, с. 163]. Произведения обоих авторов выступают своеобразным итогом их раздумий над драмой человеческого бытия на рубеже XX—XXI веков.

Результаты исследования и их обсуждение. Чингиз Айтматов в своих художественных произведениях неизменно поднимает вопросы взаимоотношений внутри триады «Человек—природа—дом/род/народ», компоненты которой не столько противопоставляются друг другу, сколько функционируют как единое целое. Например, в книге «Тавро Кассандры», повествующей о создании искусственных людей, утверждается необходимость остановить не только войны, торговлю людьми, циничность и лицемерие власти, но и загрязнение окружающей среды, которое может выступить триггером для уничтожения экосистемы всей Земли. В известном романе «Плаха» автор предупреждает: «...найти химические вещества для уничтожения конопли не только в фазе вегетации, но и как вида, нанося удар по системе размножения, вполне возможно, но этот метод нес с собой еще большее зло — он разрушал почву: земля минимум на двести лет выходила из строя. Губить природу ради борьбы с наркоманией — это ведь тоже палка о двух концах» [4, с. 237]. Также главное событие романа — миграция волков — свидетельство нарушения человеком вследствие индустриализации традиционной среды обитания хищников, вынужденных искать пристанище в «ином» пространстве: «...дальше простирался чужой мир, там могли встретиться люди» [4, с. 333]. Вместе с тем киргизский автор по-философски напоминает: «Такова жизнь, не потому ли говорят: волка ноги кормят... Если бы только ноги... Ведь на тушу могут позариться и другие волки — бывают такие, что им и на чужое нипочем посягнуть, и тогда без драки не обойтись, и нешуточной, кровопролитной драки. Но право есть право, и сила на стороне права...» [4, с. 275].

Виктор Козько — один из самых ярких современных белорусских писателей, который с самого начала своего творческого пути стремился осмыслить судьбу не только своего народа, но и человечества в целом. Как и у Ч. Айтматова, творчество белорусского автора тесно переплетено с обстоятельствами личного жизненного пути. Поэтому прозе В. Козько свойственен автобиографический характер, глубокий психологизм и философское богатство, а также постоянное обращение к актуальным проблемам человечества, в том числе экологическим. Более того, в художественный мир своих романов и повестей В. Козько инкорпорирует национальные мифы и легенды, библейские мотивы и сюжеты, которые подтверждают необходимость включения исторического опыта народа в его настоящее: «Няпраўда, што мінулага няма і не будзе. Яно заўсёды ёсць і застаецца» [5, с. 106]. Следует отметить, что подобная художественная стратегия — неизменная составляющая и художественного мира Ч. Айтматова.

Согласимся с мнением исследователя Тимоти Мортон о том, что «писать об экологии — значит писать об обществе... Исторические условия уничтожили внесоциальную природу» [6, с. 44]. Этот постулат наиболее ярко проявился в романе Ч. Айтматова «Когда падают горы». Более того, автором прямо формулируются вопросы, связанные со статусом человека: что есть

судьба, что кому суждено, что есть истина, что будет, почему, как быть [7, с. 11, 21]. Очевидно, что в романе художественное исследование предельных возможностей человека начинается с того, что главный герой произведения, как метко подметил Г. Гачев, «выведен к воротам бытия» [8, с. 589].

В основе романа «Когда падают горы» — прием параллелизма, который используется как на уровне построения сюжетной линии, так и характеристики отдельных черт персонажей. Фактически судьбы главных героев — снежного барса Жаабарса и журналиста Арсена Саманчина синхронизируются до момента приезда человека в родной аил: автор повествует об их изгнании, поражении и одиночестве, воспоминаниях о былом, сожалениях об утраченном, поиске нового основания/цели в жизни и т. д. Учитывая, что прием параллелизма типичен для народного творчества, то в контексте романа его использование транслирует идею сконцентрированной мудрости.

Особенное взаимопроникновение пространства и времени присуще книге Ч. Айтматова «Когда падают горы», в которой прошлое, настоящее и будущее совмещаются, пересекая друг друга: повествование легко перемещается из одного временного и пространственного круга в другой. При этом и время, и пространство варьируются от исторически конкретных и даже биографических до бесконечных, вечных.

Место действия романа представлено двумя локациями — городом и горами. Начинается произведение с описания Тянь-Шаньского высокогорья: дикие косули-эчки и бараны-арханы устремляются на водопой, а опытный барс-стрела с крупной увесистой головой и сильным телом выбирает позицию для охоты. Однако природные образы не только тесно вплетаются в канву произведения, сообщая о красоте киргизской природы, но и свидетельствуют о разрушительных последствиях технического прогресса, который становится преградой на пути человечества к достижению этических и эстетических идеалов.

Город в романе «Когда падают горы» — это «скопище позабытых Богом или позабывших Бога» [7, с. 77], место, где с помощью природной метафоры Ч. Айтматов очень точно подмечает, что «...люди стабунились», царят «циничная трепотня», «спекулянты от массовой культуры», «клоунада», «балдеж», «рыночные дебри», «оптовая культура» [7, с. 15, 30, 37, 91], безразличие, агрессивность и безграничная идейная свобода. На последнем автор останавливается отдельно, иронично рассуждая: «Куда это годится? ...эмбарго устроить идее? За деньги можно все» [7, с. 62]. При этом город не отпускает главного героя даже на пути в родной аил: он «настигал и осаждал» Арсена Саманчина «звонками по мобильному телефону» [7, с. 77]. В целом городская жизнь в романе отождествляется с беспощадным рынком, который убивает. «Раз тебя убивают — и ты убей», — пишет автор [7, с. 79].

Следует особо отметить то, что в романе город не только противопоставляется природному миру. Урбанистическое пространство становится источником разрушения системы ценностей человека как части природы. Более того, с помощью многочисленных метафор, сравнений, иронии и олицетворений Ч. Айтматов постоянно указывает на неразрывную связь между городской жизнью и природным миром, человеком и животным: «Что-то побуждало их (ласточек — *И. К.*) искать близости с людьми, будто залетели они в это жилище, чтобы то ли поведать о чем-то, то ли кого-то вразумить»; люди, добывая нефть, «кровь земную сосут и богатеют задарма»; «Барсов мы продаем, выходит, а что делать? С ними контракт не заключишь»; «...снежные барсы очень редкие звери у нас в горах, сколько сказок рассказывали нам о них в детстве, а мобильники в городах — как картошки в мешках. Кому что»; «Так что же с нами будет, если и мы — барсы?» [7, с. 72, 89, 91, 97, 128].

Однако если в первой половине романа, описывая жизнь и нравы города в сравнении с высокогорьем, автор лишь упоминает о необходимости думать о состоянии окружающей среды, то в восьмой главе Ч. Айтматов открыто призывает к решению общемирового, не зависящего «от общественных и политических умозрений» экологического кризиса, изобличая его истинные причины: «Мы так любим говорить об экологии... Столько об этом талдычим — эпос можно сложить, а как только деньгами запахнет, готовы на все, какая уж тут экология» [7, с. 127]. Истоки и последствия экологических проблем, по мнению автора, укоренены в представлениях человека о себе. Например, жители горного аила, столкнувшись с новой

рыночной реальностью, меняют свое отношение к охоте, которая на рубеже XX—XXI веков превращается из традиционного, практически сакрального действия в бизнес: «Трудно было и самому Арсену Саманчину, неуютно чувствовал он себя, примиряясь с реальностью. Ведь никто даже не намекнул на вред, какой наносит подобный охотничий бизнес экологии. Плевать было всем. И сам он скромно помалкивал, будучи повязан близким родством с владельцем уникального и столь успешного бизнеса. Рыночная экономика ловит в свои сети не только самих людей, но и души их» [7, с. 140].

Тем не менее Ч. Айтматов заставляет задуматься о будущем. Он обращается к читателю посредством главного героя Арсена: «...все как-то приспособляются к рыночной экономике, но не так варварски, как мы здесь у себя в горах. Ну пожнем мы сегодня свой урожай за счет иностранцев, а дальше что? Будем только охотиться, перестанем трудиться — окажемся скоро в пустоте, среди мертвой природы!» [7, с. 129]. Более того, возлюбленная Арсена Элес открыто заявляет о необходимости прекратить бездумное уничтожение животных: «Даже, знаешь, хотела выйти к приезду арабских охотников с плакатами: “Руки прочь от наших снежных барсов! Оставьте барсов в покое! Барсы живут сами по себе, не трогайте наших зверей!” Но и думать об этом нельзя — свои же всем аилом забросают камнями, не позволят срывать такой бизнес!» [7, с. 128]. Однако не чувствуется «писательской веры в то, что катастрофы, вырождения человеческого рода возможно избежать» [9, с. 97].

Ч. Айтматов, создавая художественный портрет современности, неизменно дополняет его глубоким философским анализом: он ставит человека «в капкан последнего и единственного решения, поступка, в котором должен полностью сказаться состав его личности, каким она выпестовалась за долгую жизнь» [10, с. 8]. Его главный герой стоит перед моральным выбором — сохранить природу или хорошие отношения с друзьями и родственниками, предпочесть договор или долг, честь или совесть, выгоду настоящую или будущую. Символично, что конфликт в романе разрешается с помощью акцентирования экологической проблемы. Арсен восклицает: «Руки прочь от наших снежных барсов! Немедленно убирайтесь вон отсюда! Я не дам вам уничтожить наших зверей! Мотайте в свои дуба и кувейты, прочь с наших священных гор!» — последние слова Арсена, обращенные к окружающим людям [7, с. 272].

Таким образом, трагические пути страдающих и загнанных в тупик животного Жаабарса и человека Арсена пересекаются в горном ущелье, т. е. природная среда становится пространством «выбора». При этом одновременная гибель и человека, и животного символически воссоединяет природный мир и человеческую цивилизацию, указывая на конечность бытия каждого.

В ряду наиболее страшных техногенных аварий XX века всегда упоминается Чернобыльская катастрофа, ставшая для белорусов национальным бедствием. Даже обозначающая ее лексическая единица «Чернобыль» приобрела ряд символически окрашенных значений: она идентифицируется «с духовным кризисом, исчерпанностью идей, внутренней опустошенностью современного человека» [11, с. 66]. Естественно, что случившаяся техногенная авария становится поводом и фоном для художественного исследования «катастрофы» человеческой души на рубеже XX—XXI веков в романе В. Козько «Бунт невостребованного праха», основным мотивом которого является поиск человеком «себя настоящего, своего имени» [12, с. 254].

Белорусский писатель, как и киргизский, с помощью ретроспекции, символов, сравнений и развернутых метафор констатирует неразрывную связь между человеком, техникой и объектами природного мира: «Скруха і адчай раздзіралі і крышылі яго з той жа сілай, з якой машыны на двары выраўновалі, уплішчвалі ў асфальт усё жывое...» [5, с. 7]. При этом указывается как на единство природы и человека («...плоць іх — чалавека і Зямлі — была адзіная» [5, с. 10]), так и их извечный антагонизм: природа созидает, а человек уничтожает («Вар’яцтва... Вар’яцтва спрадвечнае, старое, калі зямля ўпершыню спарадзіла жыццё, і сённяшняе, калі жыццё імкнулася забіць таго, хто стварыў яго, зямлю» [5, с. 10]. Более того, писатель дает ироничную характеристику такому человеческому «творению», как общество, также выступающему в качестве деструктивной силы: «Кожны належыць свайму жыццю, прабрацца праз якое немагчыма, нават калі разбурыць усе сцены, разбіць перагародкі пампезна-кульстаўскага інтэрната, збудаванага на ўзлёце і схоне эры ўсеагульнага росквіту і дастатку» [5, с. 23].

Обусловленное аварией эмоциональное потрясение — причина трансформации главного героя, который так же, как и Арсен Ч. Айтматова, в первую очередь задается вопросом о смысле существования: «Каму і навошта ўсё гэта трэба? І ці сапраўды на гэтым свеце нешта і каму трэба» [5, с. 17]. В качестве первопричины кризиса называется незрелость человека: «...патрэбна зусім інакшае, новае мысленне, да якога чалавек дваццатага стагоддзя яшчэ не падрыхтаваны. І сам чалавек у сваім стагоддзі наўрад ці з'яўляецца чалавекам» [13, с. 237]. Попытка разобраться в причинах техногенной трагедии указывает на сложные нравственные проблемы, которые человек (в романе он однозначно именуется монстром) не в силах разрешить, так как находится перед вечным выбором — личное или общественное, возможное или необходимое, настоящее или будущее.

В. Козько указывает, что только свободная воля человека обусловила Чернобыльскую аварию — своеобразный апокалипсис конца XX века: «Вось тады і застагналі сажалкавыя воды, заплакала зямля. Крык гэты не сціхаў ужо другія суткі. Стогнам, малітвай і плачам панёсся па зямлі, нібыта застагнала сама зямля. ...пабялела і ўскіпела ў сажалцы вада. Паверхню яе ўслалі адначасова заспетыя імгненнем кахання і смерці жабы, якія ўсплылі дагары жыватамі. З шалёнага, нястрымнага кахання быў прыгатаваны вось такі супец, праўда, невядома для каго» [5, с. 27]. Масштабы катастрофы («...ніхто з тых, хто трапіў туды... не вольны выскачыць з таго вару, а там нага ўласнага кацельчыка») становятся символом отсутствия вселенской гармонии между окружающим миром и человеком, затрагивая «и те привычные реалии мира, которые ранее представлялись незыблемыми» [14, с. 54]. Технический прогресс заводит человечество слишком далеко: личность теряет моральные ориентиры, и это приводит к безродности и запустению. В. Козько утверждает, что именно человек — причина бед на Земле, «якая ўсё наперад бачыла, але не здолела адужаць, стрэсці яго (монстра) са свайго цела, скінуць са сваёй плоці» [5, с. 10].

Таким образом, экологические мотивы в романе В. Козько «Бунт невостребованного праха» вскрывают страшный «процесс размягчения, “мелиорации” человеческой души, когда человек перестает быть личностью, а белорус перестает быть белорусом» [15, с. 18]. При этом авторское понимание необходимости выполнения каждым человеком экологического минимума точно обозначено в его раннем романе «Неруш», в котором один из героев стремится сохранить дубовый лес, беспощадно вырубаемый его односельчанами для больших «свершений».

Заключение. Экологическая проблематика в романах Ч. Айтматова и В. Козько используется для выявления и мотивации эмоционального состояния главных героев, выступает мерилем духовности и этической зрелости человека, маркером социальных и нравственных проблем современного общества. И киргизский, и белорусский авторы проявляют высокую степень сформированности экологического сознания, утверждая, что любой сдвиг в экосистеме Земли, в том числе на локальном уровне, в конечном счете сказывается на человечестве в целом. Представленная в творчестве обоих авторов триада «Человек—природа—дом/род/народ», основанная на национальных традициях и вековой морали, раскрывает соотношение понятий «экология души», «природная среда» и «чувство Родины». Более того, романы Ч. Айтматова «Когда падают горы» и В. Козько «Бунт невостребованного праха» выполняют важнейшие функции литературы — предупреждение и пророчество.

Список цитируемых источников

1. Ecocriticism : the Routledge Dictionary of Literary Terms [Electronic resource] / Ed. by P. Childs, R. Fowler. — Mode of access: https://www.uv.es/fores/The_Routledge_Dictionary_of_Literary_Terms.pdf . — Date of access: 23.01.2024.
2. Nature in Literary and Cultural Studies : Transatlantic Conversations on Ecocriticism / Ed. by C. Gersdorf, S. Mayer. — Amsterdam ; New York : Rodopi, 2006. — 490 p.
3. Жулькова, К. А. Проблема гуманизма: роман Ч. Т. Айтматова «Когда падают горы: (Вечная невеста)». (Обзор) / К. А. Жулькова // Соц. и гуманитар. науки. отечеств. и зарубеж. лит. Сер. 7 : Литературоведение. — 2021. — № 1. — С. 161—169.

4. *Айтматов, Ч. Т.* Буранный полустанок. Плаха : романы / Ч. Т. Айтматов. — М. : Профиздат, 1989. — 608 с.
5. *Казько, В.* Бунт незапатрабаванага праху : раман / В. Казько. — Мінск : Маст. літ., 2013. — 287 с.
6. *Мортон, Т.* Эжокритика / Т. Мортон // VERSUS. — 2022. — Т. 2. — № 4. — С. 34—61.
7. *Айтматов, Ч.* Когда падают горы. Белый пароход / Ч. Айтматов. — М. : Дружба народов, 2008. — 288 с.
8. *Гачев, Г.* Задумавшийся скиф. О Чингизе Айтматове и его романах / Г. Гачев // Буранный полустанок. Плаха : романы / Ч. Айтматов. — М. : Профиздат, 1989. — С. 585—606.
9. *Васильева, Ю. О.* Мотив судьбы в поздней прозе Ч. Т. Айтматова [Электронный ресурс] / Ю. О. Васильева // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. «Филология. Журналистика». — 2015. — № 2. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/motiv-sudby-v-pozdney-proze-ch-t-aytmatova>. — Дата доступа: 16.01.2024.
10. *Гачев, Г.* О том, как жить и умирать / Г. Гачев // Айтматов Ч. Когда падают горы: (Вечная невеста): роман, повесть, новелла // Ч. Айтматов. — СПб. : Азбука-классика, 2007. — С. 5—16.
11. *Первушина, Л. В.* Постчернобыльские реалии в прозе Виктора Козько и Дона Делилло / Л. В. Первушина // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. «Гуманитарные науки. Литературоведение». — 2014. — № 10. — С. 65—72.
12. *Дубашынскі, Р. Ю.* Праблема характару ў творах В. Казько: спецыфіка мастацкага інструментарыю / Р. Ю. Дубашынскі // Беларуская літаратурная класіка і сучаснасць: праблемы характаралогіі / В. П. Жураўлёў [і інш.] ; навук. рэд. В. П. Жураўлёў. — Мінск : Беларус. навука, 2013. — С. 232—307.
13. *Казько, В.* Выратуй і памілуй нас, чорны бусел : аповесці, апавяданні, эсэ / В. Казько. — Мінск : Маст. літ., 1993. — 319 с.
14. *Васючэнка, П. В.* Пошукі страчанага дзяцінства / П. В. Васючэнка. — Мінск : Навука і тэхніка, 1995. — 80 с.
15. *Тычына, М. А.* Карані і крона: фальклор і нацыянальная спецыфіка літаратуры / М. А. Тычына. — Мінск : Беларус. навука, 1991. — 208 с.

Поступила в редакцию 19.02.2024.

Репозиторий БарГУ